

Церковно-государственные отношения в свете реформы патриарха Никона

Д.Ф. Полознев

В научном обиходе при описании событий церковной истории России середины - второй половины XVII века устойчиво используется формулировка - "церковно-обрядовая реформа патриарха Никона" - хотя еще трудами Н.Ф. Каптерева было показано, что инициатива собственно обрядовой реформы исходила от придворного кружка боголюбцев и от царя Алексея Михайлович лично, находившегося под влиянием боголюбцев и разделявшего их взгляды¹. Никон в качестве ставленника царя на посту патриарха начал проведение ее в жизнь своими и соборными постановлениями. Однако и в сочинениях, и в деятельности патриарха Никона обрядовая реформа заняла второстепенное место. А на первом плане оказались задачи реформирования отношений между церковью и государством. Хотя этот историографический факт не нов, следует о нем напомнить, так как он иногда заслоняется огромной литературой, посвященной проблеме раскола, вызванного изменениями обрядности.

Впрочем, теме "священства" и "царства" посвящено также немало трудов, и на сегодня можно говорить о двух основных историографических традициях в оценке деятельности Никона в этой сфере политической жизни России второй половины XVII в.

Одна из них - назовем ее "апологетической" - восходит к житию патриарха Никона, написанному Иваном Шушеринным, и в литературе наиболее полно и аргументированно представлена трудом М.В. Зызыкина "Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи" (Варшава, 1931-1938). Согласно этой концепции - идеология и политическая практика Никона преследовали целью воплотить в жизнь идею симфонии духовной и светской властей.

Другая точка зрения имеет источниками сочинение Паисия Лигарида и решения осудившего Никона собора 1666 г. и подробно изложена в работе Н.Ф. Каптерева "Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович". Согласно этой теории патриарх выступает деятелем, стремившимся поставить духовную власть выше светской.

От оценок одного из ярчайших эпизодов русской истории, связанного с необычайным личным сближением царя и патриарха, а затем резким разрывом между ними и противостоянием духовной и светской властей (к тому же на фоне церковного раскола, на долгие годы ставшего одной из острейших проблем русского общества), во многом зависит оценка общих тенденций культурного развития России в последующее время и оценка

современной практики сотрудничества государства и церкви.

Не беря на себя смелость дать окончательный ответ на этот сложный вопрос, попытаемся обратиться к рассмотрению сложившейся на сегодняшний день историографической традиции и ряда источников, еще далеко не в полной мере привлеченных к изучению проблемы.

Во-первых, надо постараться понять, что же все-таки являла церковная реформа в представлении и политической практике патриарха Никона?

На наш взгляд, первоначально ни боголюбцы (позднее оспорившие первые шаги Никона), ни сам Никон отнюдь не придавали предстоящим преобразованиям того значения, какое пришло позднее на фоне противостояния сторонников старых и новых обрядов. Так, например, у нас не имеется источников, которые бы можно было рассматривать как своего рода программу церковной реформы накануне ее проведения. О начале обрядовых преобразований мы узнаем из жития протопопа Аввакума, где он упоминает о рассылке Никоном в 1653 г. по церквам памяти о троеперстии и поклонах².

По мнению Н.Ф. Каптерева, "Никон был своеобразный реформатор: он сам, очевидно, не имел настоящего правильного представления о предмете своей реформы, то есть о происхождении, историческом росте и действительном значении в деле веры тех церковно-обрядовых явлений, которые он так смело взялся реформировать"³.

Сам Никон, по одному из свидетельств современников, уже позднее, отойдя от дел, отозвался об обрядах в том смысле, что они сами по себе не так уж и важны: старые и новые одинаково добры. А если обратиться к дореформенной (первой половины XVII в.) практике русской церкви, то мы найдем, хотя и не частые, но весьма характерные примеры обрядовых регламентаций и пересмотра обрядовых книг⁴, которые отнюдь не вызывали той бурной реакции, что принесли так называемые обрядовые реформы Никона.

Когда неприятие начатых преобразований стало очевидным, то Никоном был созван в 1654 г. церковный собор, который дал им свою санкцию. Но если мы обратимся к тексту соборного деяния, опубликованному в предисловии к Служебнику 1655 года, в ожидании прочесть там своего рода подробную "декларацию" о существе и значении обрядовой реформы, то обнаружим следующее. Предисловие к Служебнику (а именно эта часть документа особенно важна, как показал А.С. Дёмин, для оценки общественных настроений того времени⁵ и может рассматриваться как программная часть никоновского реформаторства) представляет собою речь патриарха к собору о том, чем вызваны были начатые им преобразования. Главный мотив и аргумент в пользу реформ в этой части речи состоит в том, что по словам Никона, став патриархом, он прочел древние документы об учреждении патриаршества в России, которые требуют от русских строго следовать правилам и обрядам восточной церкви и истреблять "новины", "яко да во

всем великая Россия православная со вселенскими патриархи согласна будет"⁶.

Другой мотив, пронизывающий речь - это указание на два ниспосланных человечеству благодатных божественных дара: священство и царство. В речь Никона собору включено Предисловие к VI новелле Юстиниана (VI в.), трактующее принцип симфонии духовной и светской власти.

О том, что оно помещено в речь Никона на соборе и в Предисловие к Служебнику 1655 г., замечено давно. Но вот тот факт, что тема эта звучит на соборе, посвященном утверждению обрядовых преобразований, кажется еще не был предметом особого внимания и специального изучения. Кажется бы, логика документа понятна: обрядовые преобразования санкционируются и проводятся церковью, а роль и место духовной власти ("священства") в системе государства и общества вновь обосновываются. И все-таки необычным здесь является усиление акцентов: декларация соотношения духовной и светской власти как премудрой двоицы, управляющей обществом, и подчеркивание роли патриарха Никона, принявшего на себя труды по церковному обустройству общественной жизни.

Ученые, доказывающие приверженность Никона идее симфонии, обосновывают свои суждения, приводя этот и аналогичные примеры цитирования патриархом памятников византийского церковного права. Те же, кто говорит о папских (или клерикалистских) тенденциях Никона, отмечают некоторые случайные высказывания и указывают на отдельные поступки, свидетельствующие в пользу таких предположений. Однако обе позиции, по своему справедливые, требуют некоторого комментария.

Использование Никоном тех или иных сочинений не есть единственный показатель приверженности его тем или иным взглядам. Так, Г.В. Вернадский отмечал, что не всегда можно установить источники, которыми Никон пользовался, знакомясь с духовным наследием восточной церкви (сравнение с солнцем и луной духовной и светской властей в сочинении папы Иннокентия III либо через Епифания Славинецкого, либо из сочинений Иоанна Златоуста или Григория Богослова), и что источники, которые содержат отголоски католических учений и используются Никоном в его сочинениях, дошли до него в православной редакции (учение о двух мечях в "Слове кратком"; написанном католиком доминиканцем Вениамином по заказу новгородского архиепископа Геннадия в XV в.)⁷.

Вместе с тем, мы действительно не можем игнорировать тех свидетельств, которые говорят о стремлениях Никона возвысить патриаршую власть за счет царской, или тех свидетельств, которые позволяют трактовать поступки Никона как папские. Например, недоброжелатели патриарха свидетельствовали об одном его крайне непочтительном высказывании о царе: "я-де царские помощи не хочу и не требую, да таки на нея плюю и сморкаю!"⁸. С источниковедческой точки зрения это высказывание можно было бы проигнорировать, так как оно представляет собой пересказ слов Никона третьим

лицом, к тому опровергнутый в ходе расследования. Но с точки зрения характеристики нравов и взглядов - оно бесценно. В данном случае неважно говорил или нет Никон такие слова, но тот факт, что они приписаны ему, очень показателен.

Как бы не оценивать этот эпизод с точки зрения достоверности, но в глазах современников деятельность Никона в отношениях со светской властью выглядела по меньшей мере необычно. Явно видно, что отстаивая суверенитет церкви, он объективно теснил светскую власть. И именно в этом контексте (а не только по цитатам из византийских кодексов и святоотеческих преданий) следует рассматривать отраженные в сочинениях Никона взгляды на церковно-государственные отношения.

Глубокое источниковое обоснование и постоянное декларирование патриархом Никоном идей симфонии объективно означало по меньшей мере укрепление власти церкви в государстве, а по большому счету - переводило церковно-государственные отношения в совершенно иное качество.

Напомним, что важнейший фрагмент речи Никона собору - Предисловие к VI новелле Юстиниана - позаимствован из вышедшей в 1650 г. Кормчей книги. А выпуск в свет Кормчей в свою очередь справедливо оценивается в литературе как запоздалая реакция духовенства на светское законодательство - Уложение 1649 г., которое, по словам того же Никона, было составлено без учета церковного права, имевшего в глазах епископата главенствующее значение по отношению к гражданскому законодательству. Характеризуя работу над составлением Уложения, Никон писал: "он, князь Никита [Одоевский - Д.П.], человек прегордый, страху Божия в сердцах не имеет и божественнаго писания и правил св. апостол и св. отец ниже читает, ниже понимает, и жити в них не хочет и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих, сам бых враг всякой истине. А товарищи его люди простые и божественнаго писания неведущи, а диаки ведомыя враги Божия и дневныя разбойники, без всякия боязни в день людей Божиих губят". И далее: "из правил св. апостол и св. отец и благочестивых царей градских законов ничего не выписывал, якож и сама та Уложенная беззаконная книга свидетельствует беззаконие их"⁹.

Уложение, ставшее компромиссом между широкими кругами русского общества, существенно ограничило суверенитет церкви. Собственно и компромисс был достигнут за счет ограничения ее прав. Оно как бы вводило церковные институты в систему государственно-правовой компетенции, что отнюдь не было похоже на симфонию, которая подразумевала равноправие царя и патриарха при разграничении их компетенции и полномочий: у царя мирские проблемы, у патриарха - вопросы духовно-религиозной жизни. Достаточно указать на то, что светская власть брала, хотя и в самом общем виде, православную церковь, ее иерархов и вероучение под государственную защиту. Но мы не найдем в нем норм и положений, ограничивающих власть царя властью церкви. Конечно, можно возразить, что власть и

авторитет церкви не сводится к правовой регламентации посредством какого-либо кодекса. Здесь работают традиции, уклад жизни. Не тот факт, что необходимость регламентации церковно-государственных отношений незрела, подтверждается всем ходом событий: от включения соответствующих норм в Уложение и выпуска печатной Кормчей до собственно обрядовой реформы, которая призвана была как бы сцементировать общество ясными и четкими правилами церковного богослужения в условиях разброда после Смуты, характеризующегося, например, распространением ереси капитонов, проникновением протестантских учений, проявлениями религиозного индифферентизма, церковных нестроений в целом. Дальнейшее подтверждение этой тенденции - вся история "дела Никона."

Выступая преимущественно как моральная сила, церковь ощущает необходимость в поддержке своей деятельности со стороны государства, а значит, и в определенном водительство светской властью, что и грозит утратой самостоятельности. В повседневной жизни епархий так и происходило.

Уложение 1649 года, составленное по словам Никона вопреки требованиям церковного права, поставило церковь в систему государственных отношений, значительно ограничив ее феодальный суверенитет (в частности, был учрежден Монастырский приказ, которому отошло ведение дел о подсудности духовенства по общегражданским делам, дел о церковном и монастырском землевладении, да и вообще все дела фискального и административного свойства. Вне юрисдикции Монастырского приказа осталась только патриаршая область, и Уложение не посягнуло на собственные права патриарха). На соборе, утвердившем Уложение, иерархи по словам Никона сделали это не по доброй воле, а боязни ради черных людей, то есть под влиянием волны городских восстаний 1648 г.

Таким образом, Уложение, как результат политического компромисса между царской властью, дворянством и посадским населением, достигнутого по большей части за счет церкви, никак не могло устраивать иерархию. Ближайшей по времени попыткой высшего духовенства дезавуировать значение Уложения стало издание в 1650 г. печатной Кормчей как кодекса церковного права, охватывающего широкий спектр общественных отношений от семейно-брачных до государственно-правовых.

Никоном в 1652-1653 гг., то есть тотчас же по восшествии на патриарший престол, были сделаны важные допечатки к Кормчей, благодаря чему в литературе ее даже стали называть Никоновской Кормчей, как новое издание, коренным образом отличное от Кормчей 1650 г. В Кормчей были помещены статья об учреждении патриаршества в России, грамота императора Константина Великого папе римскому Сильвестру ("Вен Константина"), краткое изложение церковной истории от апостольских времен до учреждения патриаршества в России, сказание о поставлении патриархом Филарета, перечень всех российских патриархов, включая Никона, и сказание о римском отпадении. Все они дополняли идейную концепцию Корм-

чей, провозглашая приоритет церковных канонов над светским законом¹⁰. Здесь следует напомнить и о такой крупной церковно-политической акции как перенесение с Соловков в Москву мощей митрополита Филиппа и его канонизация буквально накануне поставления Никона патриархом. Перенесение мощей предварялось Молебным посланием царя к святому с покаянием светской власти, признавшей себя виновной в его гибели. Хотя идея канонизации св. Филиппа была опять-таки выношена в придворном кружке боголюбцев, но политические дивиденды получил Никон, возглавлявший посольство на Соловки и прибывший в столицу с мощами святого как раз к моменту избрания нового патриарха.

Таким образом, период 1652-1653 гг. в деятельности патриарха Никона позволяют охарактеризовать его как попытку если не ликвидировать, то по крайней мере нейтрализовать последствия наступления государства на права церкви после событий 1648-1649 гг. А идейный смысл его шагов, касающихся отношений "священства" и "царства", заключается в провозглашении политической программы церковных преобразований, направленных на укрепление церковной власти, персонифицированной фигурой патриарха.

Примерно со второй половины 1656 г., то есть после выпуска новоисправленного Службника (1655) и Скрижали (1656) - в известном смысле программных документов церковно-обрядовой реформы и проведения соборов об исправлении церковных обрядов¹¹ заметен отход патриарха Никона от деятельности по проведению ее в жизнь. На первое место у него выходит практическая работа по управлению государством в период участия царя в военных походах и титаническая деятельность по перестройке Патриарших палат в Кремле и строительству Ново-Иерусалимского, Иверского Валдайского и Крестного Онежского монастырей.

В этот период из под его пера не выходило сочинений, которые бы трактовали отношения священства и царства, поскольку с одной стороны все силы и время отнимала практическая деятельность, с другой - именно эта деятельность и выступала реализацией политической программы Никона. М.В. Зызыкин оценивает ее именно как претворение в жизнь идей симфонии: в поступках Никона он не усматривает ничего такого, что могло бы трактоваться как покушение на власть царя. А Н.Ф. Каптерев считает, что именно беспримерное вмешательство патриарха в дела государственного управления и продемонстрировали его стремление возвысить духовную власть за счет светской.

Так, формальным поводом к разрыву между царем и патриархом в 1658 г. стало обвинение Никона в том, что он называл себя "великим государем". Этот титул, по словам Никона, был пожалован ему самим царем. Он и в самом деле употреблялся на протяжении всего периода действительного патриаршества Никона и до 1658 г. не вызывал возражений и опасений царя. Известно, что придворная боярская партия настроила царя против

патриарха, использовав данное титулование как повод, но предпосылки конфликта созрели, видимо, раньше.

Период с 1654 (речь к собору, утвердившему начатые преобразования) до 1660 (Требования к собору, созванному царем для рассмотрения отречения Никона от патриаршества) гг. практически не представлен какими-либо письменными источниками, вышедшими из-под пера патриарха Никона или созданными под его влиянием, которые бы позволили судить об его идейной программе касательно церковно-государственных отношений непосредственно с его слов. В основном это документы делопроизводственного характера. Зато этот же период дает яркие примеры его политической практики, среди которых беспримерное по масштабам каменное строительство. Архитектурные памятники уже признаны историческими источниками, но по-прежнему весьма робко привлекаются в этом качестве даже специалистами. Никоновское зодчество - один из немногих примеров успешного (хотя пока еще не достаточного) использования архитектуры для реконструкции идейной программы их заказчика. В последнее время вышел ряд интересных работ, посвященных этой теме, кроме того есть неопубликованные работы и частные наблюдения, рассыпанные в разных изданиях¹².

Кроме архитектурных памятников, большой блок информации, позволяющий судить о взглядах патриарха на отношения государства и церкви, дают записки Павла Алеппского¹³ и отчасти Книга записная облачениям и действу, составленная в Ново-Иерусалимском монастыре под непосредственным наблюдением и редакцией Никона¹⁴.

В 1654-1658 гг. в деятельности Никона можно отметить два направления, характеризующие его взгляды на отношения "священства" и "царства".

1. Будучи лично очень близок царю и являясь вторым высшим должностным лицом в тогдашней системе власти, он весьма значительно вошел в управление делами государства, особенно в период отсутствия царя в столице. Дарованное ему царем титулование "великий государь" обозначило его место в системе государственного управления того времени.

2. Разделяя с царем взгляды о вселенском значении русского православия, Никон развернул широкую деятельность по "материализации" этих взглядов. Это строительство Ново-Иерусалимского и Иверского монастырей, введение в русские обряды, особенно в обряды архиерейского священнослужения, элементов восточных обрядов, обращение к византийским традициям патриаршего и вообще придворного быта и церемониала, приглашение в Москву и поддержка ученых греков и т.п. К этой же области идейной программы Никона относится и поддержка (или неподдержка) внешнеполитических инициатив светского правительства.

Оба эти обстоятельства и привели к его падению, но не повлияли на судьбу обрядовой реформы.

В результате военных успехов Русского государства, а также вступления в войну Швеции, захватившей Варшаву и Краков, Польша уже к осени

1655 г. начала искать мира с русским правительством. В октябре 1655 г. прибыли в Москву в качестве посредников представители Священной Римской империи - послы Аллегрети и Лорбах, которые выдвинули идею союза христианских государей (православных и католиков) для борьбы с Турцией и Крымом. Идея такого объединения с обессиленной и, казалось, уже не опасной Речью Посполитой увлекла Никона. Объединение христианских государей, казалось Никону, могло раскрыть новые пути к проведения активной восточной политики. Кроме Никона, был и еще один сторонник такой политики - А.Л. Ордин-Нащекин, который, склоняясь к миру с Речью Посполитой, полагал, что греки, молдаване и волохи, не разъединяемые больше враждебной Польшей, могли скорее отложиться от турок и слиться в многочисленный христианский народ под покровительством московского царя. Никону удалось увлечь и царя, только что вернувшегося из победоносного похода, мыслью о союзе с поляками, подкрепленной возможностью получения Алексеем Михайловичем польской короны. Но мир с Польшей означал войну со Швецией.

В мае 1656 г. русское правительство объявило о разрыве "вечного докончанья" со Швецией. Однако вскоре неудача под Ригой и тяжелое внутреннее состояние русского государства заставили царя Алексея отказаться от завоевания Ливонии и выходов к Балтийскому морю.

В такой обстановке в течение 1657-1658 гг. подготовлялось падение патриарха Никона. В правительственных кругах, в среде большинства русского боярства война со Швецией 1656-1658 гг. не встречала одобрения. Основная линия внешней политики со времени правления царя Михаила направлялась против Польши, за воссоединение Украины и Белоруссии. Сторонников войны со Швецией было весьма немного. Наиболее яркий их представитель А.Л. Ордин-Нащекин не пользовался авторитетом у большинства московских деятелей.

Возлагая ответственность за неудачную войну со Швецией на Никона, члены правительства (Милославский, Стрешнев, Одоевский, Трубецкой, Салтыков и др.), рядовое боярство и приказная бюрократия сводили счеты с ним за предшествующее время.

Стяжание Никоном реальных властных полномочий царя и проявленная самостоятельность в вопросах внутренней и внешней политики привели к его падению, предлогом для чего послужило якобы самовольное присвоение им титула "великого государя".

Именно власть патриарха стала причиной нападок на него. Но это не была собственно власть духовного лица, и не религиозно-церковная деятельность патриарха вызвала озлобление против него со стороны недоброжелателей из правительственного лагеря. Против властности Никона ополчились и бояре, и архиереи, в то время как лидеры старообрядчества как раз выступали против проводимых Никоном обрядовых преобразований, видя в них новую ересь.

То есть в части церковно-государственных отношений перед сторонним наблюдателем предстает не борьба священства и царства, а обычная политическая борьба, связанная с наличием на политической арене двух ярких личностей - патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Более того, епископат в основной массе поддержал царя против патриарха, поскольку его личные амбиции сказались на отношениях с духовенством. Из среды духовенства вышло два больших полемических сочинения, направленных против патриарха. Это ответы газского митрополита Паисия Лигарида на вопросы боярина Симеона Стрешнева¹⁵ и сочинение вятского епископа Александра, получившее в литературе характерное название "Обличение на патриарха Никона"¹⁶ (1662 г.).

Период 1658-1664 гг. вплоть до Большого московского собора 1666-1667 гг. охарактеризовался с источниковедческой точки зрения появлением ряда полемических сочинений, которые содержат изложение взглядов участников событий на проблему церковно-государственных отношений. Кроме упомянутых, это еще "Возражение" Никона на вопросы Симеона Стрешнева и ответы Паисия Лигарида (1664)¹⁷, соборные деяния и сочинение газского митрополита о соборе (1666-67)¹⁸.

К этому же кругу источников с рядом оговорок можно отнести и житие Никона, написанное Иваном Шушериным значительно позднее и посвященное в основном биографии, а не идеям патриарха¹⁹. Кроме того, многочисленные высказывания по тем или иным поводам содержатся в переписке, которая велась в период от оставления Никоном патриаршего престола до суда над ним и отложилась в "деле Никона"²⁰.

Весь блок источников 1658-1667 гг. отличает то обстоятельство, что появились они в период оставления Никоном патриаршего престола, в силу чего возникла сложнейшая политическая и церковно-правовая коллизия, выход из которой власть в лице царя Алексея Михайловича пыталась найти, говоря современным языком, на путях правового решения. А поиск этого пути в свою очередь и заострил внимание общества на проблеме соотношения власти царя и патриарха, а шире - власти духовной и светской. Поэтому в источниках, с одной стороны, главное внимание уделяется именно этому вопросу как идейной проблеме, а с другой стороны - как бы разрабатываются правовые механизмы ее решения.

При этом обе стороны действуют преимущественно в идейной сфере, их конкретные шаги и поступки направлены к разрешению конфликта, то есть связаны с привлечением союзников, совещаниями, переговорами, дознаниями и проч. Они как бы не руководствуются в своих действиях теми идейными установками, которые отстаивают, или пользуются ими более ограниченно, скорее демонстративно (как Никон, выставив собору 1660 г. требование по существу о суверенитете патриаршей области) или вынужденно (как Алексей Михайлович, издавая распоряжения, касающиеся духовных дел).

И еще одна особенность "Возражения" Никона. Это - фактически послесловие к его деятельности, оно обращено к прошлому, объясняет прежние поступки, а потому, наверное, судить по нему об его прежних действиях не совсем корректно, так как объяснение их во многом определяется той новой ситуацией, в которой он оказался вынужден защищаться, а не наступать, как это было в пору его могущества (напомним, что в ту пору им практически ничего не было написано, что бы могло оцениваться как его идейная программа).

Не только светские придворные круги были недовольны правлением Никона, не только лидеры старообрядчества обличали главу церкви в отступлении от древней обрядности, но и в среде епископата, казалось бы, естественного союзника патриарха, давно шло брожение. Н.Ф. Каптерев даже назвал Никона поработителем архиереев.

В открытую форму конфликт с епископатом вылился в 1662 г., когда Никон наложил проклятие на местоблюстителя патриаршего престола крутицкого митрополита Питирима за то, что тот принял участие в церемонии шествия на осяти в Вербное воскресенье 1659 г. По запросу царя архиереи осудили его, а вятский епископ Александр составил вслед за газским митрополитом Паисием Лигаридом обличительное сочинение против опального патриарха. И это при том, что на соборе 1660 г., в первый раз рассмотревшем ситуацию в связи с оставлением Никоном патриаршего престола, епископат не был столь решителен в осуждении патриарха, а ряд греческих священнослужителей и вовсе выступил в пользу Никона.

К середине 1660-х гг., несмотря на некоторые различия, в целом позиция епископата высветила то обстоятельство, что высшее духовенство уже давно согласилось со своим подчиненным светской власти положением. А деятельность Никона по укреплению суверенитета церкви фактически не нашла у него поддержки. Он оказался одинок в своей политической деятельности, хотя и имел сочувствие своим взглядам в лице отдельных представителей русского (Маркелл новгородский, Иона ростовский) и греческого духовенства (Елифангий Славинецкий).

Окончательно масштаб деятельности Никона по укреплению церковной власти выявился после его осуждения собором 1666 г., когда царем был поставлен на обсуждение вопрос о соотношении духовной и светской власти и архиереи воочию увидели, что осудив немилую им патриарха в угоду царю, они по существу согласились с главенством "царства". Развернувшиеся на соборе прения по проблеме "священства" и "царства" привели к компромиссу в духе идей симфонии. Но тот факт, что именно идеи симфонии, которые декларировало византийское право, которые отстаивал Никон, на которых сошелся собор 1666 г. и которые для этого пришлось вновь весьма энергично отстаивать - этот факт доказывает, что само декларирование и отстаивание этих идей автоматически перевело вопрос о симфонии властей в проблему приоритета одной из них.

Доказывание духовенством идей симфонии и вынужденное признание их светской властью, а в дальнейшем проведение их в жизнь означало бы не просто разграничение полномочий в духе византийского права, но фактически подчинение светской власти, регламентации ее деятельности со стороны церкви не только в духовно-нравственной сфере, но и в собственно правовой и политической. Недаром важнейшей причиной разрыва царя с патриархом в тот момент, когда страной управляла премудрая двоица и принцип симфонии казался бы уже воплощающимся в жизнь, стали разногласия в вопросе продолжения внешней политики, которая виделась патриархом как направленная к союзу христианских государств.

В литературе идея симфонии у Никона противопоставляется идее папocesаризма. Но для русской реальности это противопоставление не совсем корректно. Непосредственное участие иерархов в делах государства для России не редкость (митрополит Алексей, патриарх Филарет, да и тот же Никон). Оно вытекало из русской государственной и церковной традиции, которая начинается с того, что само крещение Руси было инициативой светской власти. Скорее всего победа идеи симфонии на практике имела бы результатом особую форму государственного устройства, вовсе непохожую на православную симфонию, ни на католическое главенство папы-патриарха. Так, действительно состоявшаяся церковная реформа Петра при сохранении православия привела церковно-государственные отношения в России ближе к протестантской модели, когда царь соединил в своем лице роль светского и духовного властителя.

Линия на укрепление церковной иерархии во главе с патриархом была продолжена после Никона патриархом Иоакимом, притом довольно успешно. Соединенными усилиями епископат провалил предложенную правительством административно-территориальную реформу 1682 г. "Дело Никона" показало светской власти, что на путях восточно-православной традиции реформировать отношения государства и церкви невозможно. А проблема раскола, то есть невозможность справиться с ним собственными силами. внутрицерковными средствами, привела иерархию в тупик фактического подчинения государству.

Таким образом, церковно-государственные отношения в свете реформ патриарха Никона представляют собой комплекс концепций и политических действий, направленных к разрешению ряда противоречий, накопившихся в общественной жизни России к концу Средневековья. Это противоречие между высоким социальным статусом церкви, включающем ее религиозную функцию, имущественный и политический вес, и секулярными тенденциями государственного устройства и общественного развития. Как крупная политическая сила церковь в лице ее иерархии претендовала на более масштабное, чем прежде, руководство жизнью общества и государства. А общество позднего Средневековья с его усложнившейся социальной структурой, разнонаправленными интересами новых социальных групп требова-

до от государства учета своих интересов, как имущественных, так и духовных, которые могли быть удовлетворены за счет ограничения суверенитета и духовной монополии церкви.

*

- 1 Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909-1912. 2 т.
- 2 "В памяти Никон пишет: "год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творчти на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились". (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. Архангельск, 1990. С. 23). Любопытно, что память эта до настоящего времени не обнаружена, хотя, судя по всему, разослана она была в большом числе экземпляров.
- 3 Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон... Т. 1. С. 138.
- 4 ААЭ. Т. 3. № 166, № 228.
- 5 Дёмин А.С. Писатель и общество в России XVI-XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985.
- 6 Служебник. М., 1655. Л. 9.
- 7 Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926. С. 143-154; Он же. Введение / Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's "Refutation". Edited, with Introduction and Notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin. New York. Amsterdam. 1982. 812 p. (Slavistic printings and reprintings. 300). С. 20-25.
- 8 Материалы для истории раскола...Т. 1. С. 44.
- 9 Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон... Т. 2. С. 196-197.
- 10 Петров Н. О судьбе вена Константина Великого в русской церкви // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1865. Декабрь. С. 471-498.
- 11 1654 (27 февраля - 2 мая об исправлении богослужебных книг и обрядов), 1655 (25-31 марта - сличение богослужебных книг и рукописей, привезенных из Греции Арсением Сухановым, с древними славянскими рукописными и печатными книгами, 1-7 апреля - об исправлении книг согласно указаниям патр. Макария, 16 декабря - об освящении воды только в сочельник праздника Богоявления), 1656 (23 апреля-2 июня - рассмотрение и одобрение собором перевода с греческого и издания книги "Скрижаль", подтверждение проклятия на неповинующихся церкви последователей двуперстия, 11 мая - о перекрещивании католиков), 1657 (октябрь - об открытии новых епархий и исправлении Требника).
- 12 Тиц А.А. Новые данные о Патриаршем дворе в Кремле // АН. М., 1962. Вып. 14; Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. М., 1966; Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. М., 1969. Вып. 18. С. 30-44; Романенко А.И. Один из этапов строительства Патриарших палат // Государственные музеи Московского Кремля: Исследования и материалы. М., 1976. Т. 2. С. 109-115); Лебедев Л. Богословие русской земли как образа обетованной земли царства небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI-XVII веков) // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция "Богословие и духовность". Москва, 11-18 мая 1987 г. М., 1989. С. 140-175; Он же. Богословие земли русской // Москва патриаршая. М., 1995. С. 285-332; Бусева-Давыдова И.Л. Об идейном замысле "Нового Иерусалима" патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 174-181.
- 13 Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века // ЧОИДР. М., 1896-1900. 5 вып.
- 14 Дубровский Н. Патриаршие выходы // ЧОИДР. М., 1869. Кн. 2. Отд. 4. с. 6-64; Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. 365 с.
- 15 Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882-1884. 2 т.

- 16 Полознев Д.Ф. "Обличение на патриарха Никона" вятского епископа Александра // СРМ. Ростов, 1998. Вып. 9. [В печати].
- 17 Возражение, или разорение, смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисиеовы // Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's "Refutation". Edited, with Introduction and Notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin. New York. Amsterdam. 1982. 812 p. (Slavistic printings and reprintings. 300).
- 18 Фрагмент Соборного деяния, посвященный суду над Никоном, и сочинение Паисия не были опубликованы и сохранились в рукописи. Греческий текст сочинения Паисия до сих пор не переведен и используется в литературе фрагментарно авторами, владеющими греческим языком (напр. Н.Ф. Каптеревым), либо воспроизводятся по их книгам.
- 19 Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871.
- 20 Дело о патриархе Никоне: Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки / Изд. под наблюд. Г.Ф. Штендмана и при участии А.И. Тимофеева. СПб., 1897.